

ХОТЕЛИ КАК ЛУЧШЕ, А ПОЛУЧИЛОСЬ... ХУЖЕ, ЧЕМ ВСЕГДА

Марк Поташник,
действительный
член Российской
академии
образования,
профессор,
доктор
педагогических
наук

Сфера образования стала одним из приоритетных национальных проектов. У одних это вызвало энтузиазм, а у значительной части руководителей школ — закономерный скепсис. Ведь в течение последних пятнадцати лет сменилось шесть федеральных министров образования, и при каждом российская школа последовательно разрушалась, учителя, их материальное положение, моральный авторитет снизились до уровня ниже некуда. Но, повторю, объявление о президентских грантах школам и учителям породило в душах педагогов надежду и веру в то, что ситуация начнёт меняться в лучшую сторону. Разве не радостно, что три тысячи школ России получили по миллиону рублей на развитие, а 10 тысяч учителей — премии по 100 тысяч?

Но как только были подведены итоги первого опыта по выделению президентских грантов школам, выигравшим конкурс инновационных программ в рамках приоритетного национального проекта «Образование», тут же в регионах выявились проблемы и противоречия, связанные с получением этой престижной премии. Например, из числа школ, подавших на конкурс свои инновационные программы развития, гранты во многих регионах получили, как оказалось... не лучшие. «От нашего города в региональный департамент мы направили 13 проектов. Гранты по квоте получили две школы. Но мы никак не можем понять, почему именно эти школы: ведь они явно не лучшие из лучших, а худшие из лучших. И как теперь это объяснить всем?» — пишет один из руководителей муниципального органа образования. О таких фактах я слышу от многих руководителей, читаю в местной прессе. И, замечу, решения экспертных групп объявлялись безо всяких аргументаций, рецензий; экспертные заключения не выдавались — школы просто информировали о вердикте конкурсных комиссий. Причины отрицательных решений по отклонённым проектам также не аргументировались. Такая вот, как сказали бы любители новояза, транспарентность, то есть открытость, прозрачность конкурса.

Естественно, теперь многие школы заинтересовались теми программами развития, которые отмечены президентским грантом в миллион рублей как лучшие. Директора школ, педагоги хотят ознакомиться с ними **как с образцами**, поскольку по постановлению Правительства РФ эти образовательные учреждения должны стать ресурсными — методическими, опорными, социокультурными — центрами по ряду направлений развития, пилотными, экспериментальными, инновационными площадками и т.п. И вот тут выявилось, что многие, отмеченные грантом Президента РФ школы, **никаких инноваций не реализуют**, просто их документы безупречно оформлены, отражают, возможно, и хороший опыт, но — **функционирования, а не развития**. У многих так называемых «программ развития» нет даже названия, нет никакой инновационной идеи. Получился конфуз, дискредитация конкурса. Вот почему и родился такой заголовок «Хотели как лучше, а получилось... хуже, чем всегда». Оказывается, прогресс в образовании зависит не только от выделенных средств (хотя они совершенно необходимы), но и от прогрессивных идей, эрудиции руководителей и экспертов, умения реагировать на реальные вызовы времени.

На региональных совещаниях, посвящённых итогам первого опыта реализации проекта, некоторые добросовестные члены конкурсных комиссий открыто говорили с трибун, о чём сужу по прессе, что не уверены в безошибочности своего решения, так как критерии оценки инновационных проектов общи, размыты. Добавлю от себя: потому и допускают произвол и субъективизм. Например, **первый из критериев** «высокое качество результатов обучения и воспитания» **не имеет никаких пояснений**

и потому члены экспертных советов, представляющих разные гражданские институты, в зависимости от своих личных, то есть субъективных представлений, толкуют их по-разному. В ряде регионов использовали традиционный, пресловутый процент успевающих на «4» и «5», число медалистов и т.п. Но **при таком подходе первые места в рейтингах могут занять только гимназии и лицеи, что и произошло**, а обычные школы, а тем более школы с классами коррекционно-развивающего обучения, где результаты обученности оцениваются по ответственности (или несоответствию) успеваемости детей их максимальным возможностям, выявленным в зоне их ближайшего развития, всегда будут в конце рейтинга. Понятно, почему: тут доминирует отметка «3», хотя эта тройка отражает **максимальные возможности ребёнка и учителя**, и достичь её неимоверно трудно. Ну, а теперь пусть разработчики критериев ответят школам России и себе на вопрос: **каких детей легче учить — природно одарённых, способных и мотивированных или детей с обычными или с ограниченными возможностями**, которых в школах отнюдь не меньшинство?

Чтобы учить детей с проблемами, с ограниченными возможностями на уровне максимума их способностей, нужно знать и специальную психологию, и дефектологию, и многое другое, что очень ценно, сложно, но **эти учителя и эти школы в сферу оценивания экспертными комиссиями не попали**, хотя подход учителей таких школ к оцениванию успехов детей **научен, современен, прогрессивен, инновационен**.

А уж с показателем качества обучения по числу медалистов (в ряде регионов его подтверждали специальной справкой) — полный конфуз. Интересно, задумывались ли члены экспертных комиссий при использовании этого показателя над вопросом: почему федеральное министерство который год грозит отменить медальную льготу при поступ-

лении в вуз? Может быть, эксперты не знают, что до 60% медалистов не подтверждают свои медали на вступительных экзаменах в вуз, а если и поступают, то не по медальной льготе, а на общих основаниях? Может быть, они не знают (или делают вид, что не знают), что большинство тех, кто поступает в вузы, после школьных уроков занимается индивидуально с репетиторами и потому невозможно определить, за счёт чьих успехов перед выпускником открываются двери избранного института: за счёт хорошей обученности школьными учителями или платными репетиторами, к чему школа никакого отношения не имеет?

Ещё факт. Один из критериев отбора школ для участия в конкурсе гласит: «В деятельности учреждения не зафиксированы в течение трёх лет нарушения законодательства в сфере образования и трудового законодательства». «Непонятно, — пишут в журнале «Народное образование» (2006, № 8, с. 84) руководители Управления образования г. Новосибирска, — кто тот определяющий орган, который фиксирует нарушения: прокуратура, суд, орган управления образованием? Совершенно очевидно, что нет единой базы данных о таких нарушениях, и поэтому остаётся непонятным, какое нарушение следует учитывать, а какое нет. Да и вряд ли прокуратура, суд на запрос оперативно и в полном объёме предоставили бы сведения за три года обо всех нарушениях действующего законодательства РФ в образовательных учреждениях такого огромного города, как Новосибирск». И таким вопросам, если судить даже только по журнальной почте, публикациям центральных и местных газет, — нет числа.

Дабы оказать помощь разработчикам и пользователям в уточнении критериев участия и критериев отбора, сформируем недостатки критериального аппарата в виде вопросов и краткого комментария к ним.

- Один из критериев: «В учреждении разработана и утверждена программа развития». Так ведь такие программы

Национальные проекты нужны, но другие

Доклад на VII Международной научной конференции «Россия: приоритетные национальные проекты и программы развития»

Вадим Аванесов,
профессор, доктор педагогических наук

Национальными проектами называются четыре приоритетные целевые программы развития сфер образования, здравоохранения, сельского хозяйства и жилья, инициированные в конце декабря 2005 года Президентом РФ В.В. Путиным. Это новое положительное явление политической жизни страны, дающее шанс на улучшение сильно отстающей социальной сферы развития РФ. Однако такая общая положительная оценка национальных проектов не исключает аргументированного анализа их возможных недостатков. Актуальность такого анализа возрастает в связи с тем, что в расширяющемся потоке публикаций очень мало аналитических работ, аргументированно указывающих на реальные недостатки этих проектов и на возможные пути их дальнейшего улучшения.

Три главные проблемы национальных проектов

Прошёл год со дня их объявления, и обозначились три главные проблемы:

1. Национальные проекты не превратились в научно проработанные программы. Это произошло из-за того, что ни общественные силы, ни профессионалы-учёные к этой работе не были привлечены достойным образом.

2. Восприятие национальных проектов в социуме оказалось противоречивым. Факты таковы, что сама *идея национального проекта* как способа решения важных проблем страны представляется плодотворной только 29% российских граждан. По мнению 27% россиян, национальные проекты не являются эффективным способом решения проблем. Особенно часто эту точку зрения выражают москвичи (42%), а также граждане с высшим образованием (34%) (Источник: данные Фонда общественного мнения 07.12.2006 <http://win.mail.ru/cgi-bin/readmsg?id=11655096830000007804>).

3. Проекты не стали национальными в западном смысле этого слова, где нация представляет такое единство общества и государства, в котором государство служит обществу. В то время как смысл названия «национальный» предполагает руководящую роль общественных организаций и решающий вклад профессиональных ассоциаций, при поддержке государства. В данном случае всё наоборот — государство выдвигает

есть практически в каждой российской школе, так как их уже несколько лет **требуют** органы образования. Но как быть, если большинство из них не выполняется по какой-либо причине и прежде всего — по причине отсутствия финансовых средств? Как быть, если программа разработана, но она низкого качества, по неинновационной, традиционной теме, а **требования к программам развития в документах министерства и правительства не изложены?** Как быть, если даже в масштабах одного региона она пользуется документами, называемыми программами развития, которые ставят совершенно разные цели, имеют разные структуры и даже... не имеют к развитию никакого отношения? Ведь при такой реальности эти программы несопоставимы.

● Почему в критериях отбора **упоминается качество только обучения и воспитания, тогда как инновационные школы оценивают ещё и качество развитости и даже степень социализации своих учеников?** Чтобы понять важность последнего критерия, представим себе выпускников школ (предполагающих на получение президентского гранта), которые хорошо обучены, воспитаны, развиты без существенных дефектов здоровья. Но... они не знают таких рыночных реалий, как инфляция, ипотека, кредит, субсидия, субвенция, дотация, ссуда, инвестиция, льгота; не знают, где их можно получить, не знают видов страхования, форм собственности, своих прав и обязанностей как абитуриента, допризывника, пациента, клиента сферы услуг, гражданина, задержанного милицией; не умеют говорить «нет» сексуальным домогательствам, алкогольным и наркотическим предложениям, «лохотронщикам» всех видов (от гадалок до АО «МММ»), подвержены влиянию криминальных, экстремистских идей, псевдокультурных течений. Чего в этом случае стоят обученность и воспитанность?

● В критериях отбора названо «эффективное использование современных образовательных технологий, в том числе информационно-коммуникационных». Ну, то, что имеется в виду использование компьютеров и Интернета, понятно. А вот **какие ещё образовательные технологии относятся к современным (ведь их классификаций нет, а общепризнанных — тем более), а какие к несовременным — не сказано.** Как тут быть? И как быть, если учитель эффективно использует образовательные технологии, разработанные давно, и добивается очень хороших образовательных результатов?

● Среди критериев есть такой: «Реализация профильного обучения». А как быть, если в населённом пункте десять школ и в каждой только один 10-й и один 11-й класс, а потому всё профильное обучение сконцентрировано в одной школе, состоящей только из 10–11-х классов (таких примеров уже немало), где организованы самые разные профили (и это правильно, этот способ одобрен и региональными, и федеральными органами управления образованием)? Что при этом — другие девять школ города уже не годятся для участия в конкурсе на получение президентского гранта?

● Один из самых противоречивых критериев отбора — «продуктивность реализации программы развития (достижение целей программы...)». **Без разъяснения невозможно понять, что имеется в виду:** то, что программа уже реализована? Но тогда учреждение живёт в режиме стабильного функционирования, а не развития. Или школа находится в процессе реализации программы, когда результатов ещё нет и о «продуктивности реализации» и об успехах говорить преждевременно?

● Из предыдущего вопроса вытекает ещё очень важный: **грант в миллион рублей выдаётся только за успешно реализованную программу?** Тогда непонятно, на что тратить миллион, если программа развития реализована. Или же возможен вариант: экспертные группы высоко оценивают качество программы развития как инновационного высококачественного, но **только проекта**, к которому приложен грамотный расчёт сметной стоимости реализации программы развития. **Так можно ли выдавать грант именно на реализацию инновационного проекта**, представленного в виде программы развития?

Вопросы можно ставить и ставить, образовательные учреждения их задают и по содержанию многих из них пока недоумевают. А многие школы просто дезориентированы.

Возможно, кто-то из федеральных чиновников, разрабатывающих критерии участия и критерии отбора, или из региональных чиновников, кто, ничтоже сумняшеся, не колеблясь, выносит решения о присуждении школам гранта, пользуясь несовершенным критериальным аппаратом, скажет: «Всё это придирки! Разве мы и без критериев не знаем, какие школы в регионе хорошие и заслуживают гранта, а какие нет?».

Со всей ответственностью есть основания утверждать: **несовершенство критериального аппарата нельзя недооценивать, ибо оно приводит к системным ошибкам, дискредитирующим даже такую прогрессивную идею, как приоритетные национальные проекты.**

Рассмотрим эти ошибки.

Из печати мы узнали, что в одном мегаполисе из 19 образовательных учреждений, получивших миллионный грант (подавно было 35 заявок), 18 являются так называемыми школами повышенного статуса — гимназиями и лицеями. Я поинтересовался ситуацией в других городах — картина та же. Известно, что у гимназий и лицеев есть богатые спонсоры, в этих школах весьма платёжеспособные попечительские советы, да и родители материально более состоятельные и более влиятельные, что в конечном счёте обеспечивает школе самые разные преимущества и прежде всего финансовые. Вот и получилось, как говорят: богатые стали ещё богаче, а бедные — ещё беднее.

Как такое можно было не предусмотреть, не предвидеть и допустить? А причина системной ошибки в том, что ещё более десяти лет назад школы, решившие преобразоваться в гимназию или лицей, обязаны были подготовить и реализовать программу своего развития со сменой статуса учреждения (это наиболее

Национальные проекты нужны, но другие

гает проекты и само же руководит ими, распределяет деньги по своему усмотрению, в отсутствие эффективного общественного контроля и общественной поддержки. Сейчас эти проекты выглядят как национальные по названию, но правительственные — по существу.

Применение слова «национальный» в федеративном государстве вообще требует осторожности, поскольку смысл слова «национальный» в нём воспринимается не так, как в монациональном государстве. Есть и региональные различия: население национальных республик ряда регионов воспринимает слово «национальный» иначе, чем жители центральных регионов России. Кроме того, адекватное восприятие смысла этого слова связано с уровнем образованности граждан. Не случайно практически все национальные проекты в РФ подвержены риску неудач.

Актуальные вопросы обсуждаемых проектов

В последние 15 лет мы были свидетелями недостаточной востребованности учёных РАН и других академий в решении актуальных проблем управления страной. Как и многие другие мероприятия, национальные проекты готовились не научными учреждениями, а потому не случайно, что в обсуждаемых проектах нет признаков их научной проработанности. И это не первый случай правительственных проектов, принятых без научной и общественной экспертизы.

Хотя в последние годы много говорят об идеологическом вакууме, это не так. Определённая идеология в стране есть, она проглядывает и в национальных проектах, хотя и носит латентный характер. Речь может идти о признаках своеобразной западной идеологии меритократического толка, в соответствии с которой власть в стране должна принадлежать самым достойным.

В России эта идеология трансформировалась в такую субкультурную форму, как псевдомеритократическая. Все правительственные проекты последних 15 лет содержат такого рода псевдомеритократический компонент, суть которого — власть, деньги, образование и прочее должны принадлежать лицам определённого круга. Не случайно подавляющее большинство назначений на руководящие должности в стране всё ещё проводится по архаичному принципу личной преданности. Например, вся страна обсуждает сейчас вопрос — кто станет преемником уходящего со своего поста Президента РФ, будто бы Россия — монархическая страна.

Главная идея национальных проектов — финансовая поддержка государством сильно отставшей социальной сферы. И это хорошо. Но эта позитивная идея отягощена другими скрытыми замыслами. Например, посредством национальных проектов правительство стремится внедрить разрушительный для сферы образования Единый государственный экзамен (ЕГЭ). Гранты по Национальному проекту «Образование» получают

Национальные проекты нужны, но другие

только те регионы, которые будут проводить у себя уже упоминавшийся ЕГЭ. Появился и соответствующий слоган: «Деньги в обмен на обязательства регионов и образовательных учреждений» (Лемуткина М. Нацпроект-ультиматум. http://www.gazeta.ru/2006/09/28/oa_217850.shtml). При этом ЕГЭ имеет неприемлемые показатели точности и обоснованности измерения. От таких «педагогических измерений» образование страны неизбежно впадёт в состояние перманентного нарушения прав граждан на объективную и справедливую оценку их учебных достижений. Меняется в худшую сторону учебный процесс, который теперь сводится к подготовке к узкому сегменту содержания правительственного ЕГЭ (Аванесов В.С. Единый государственный экзамен в фокусе научного исследования // Педагогические Измерения, 2006, № 1, с. 3–31; См. также <http://testolog.narod.ru>). «Натаскивание» детей на тестоподобные вопросы ЕГЭ постепенно приобретает характер социальной эпидемии и шизофрении. Настоящих тестов там нет. Правительство на всенародную критику ЕГЭ не реагирует. Очевидно, что в управлении страной сформировалась новая политическая «элита», намеренно уклоняющаяся от научного проектирования осуществляемых замыслов и от обсуждения проблем социального управления государством с гражданами.

Основная форма реализации обсуждаемых национальных проектов — распределение денег на основе не вполне проработанных критериев. Распределение бюджетных денег проводится через соответствующие министерства. Но в России этот механизм довольно часто проявляет себя как коррупционный. Факты проявления такого механизма многочисленны, а потому их можно здесь не приводить. Помимо коррупции, обсуждаемые национальные проекты объективно способствуют усилению бюрократизма. Теперь школы, выигравшие гранты, обязаны чуть ли не еженедельно подавать отчёты на восьми листах, сразу в три адреса. В общем, у них набегает 90 видов отчётности (Москве не надо грантов. http://gazeta.ru/education/2006/12/12_a_1146975.shtml). Не случайно в образовательных учреждениях, органах управления и в прессе стали обсуждаться идеи неучастия в национальных проектах.

Другой существенный недостаток нынешних национальных проектов — их избирательность. Или, говоря языком чиновников, точечность. Считается, что «маяки» помогут сдвинуть с места всю образовательную сферу в сторону обновления. И действительно, часть школ может начать работать по-новому. Но что делать с остальными? Закрывать их, как и больницы, нельзя. Следовательно, надо заниматься улучшением работы и этих учреждений. Избирательность выделяемых грантов приводит к исчезновению главных признаков любого действительно национального проекта — всенародности положительного эффекта. При точечной ориентации

системное инновационное преобразование). Такие программы они подготовили ещё десять лет назад, давно их реализовали и потому изначально в большей степени, чем любые другие школы, соответствовали и критериям участия, и критериям отбора на получение миллионного гранта, хотя многие из них, получив статус гимназии, давно забыли о развитии и спокойно живут с лучшим, с точки зрения учебных возможностей, контингентом в режиме функционирования, а не развития.

Ещё одна системная ошибка в том, что школы, получившие грант, рассматриваются как образцовые. Их так называемые программы развития уже начали бездумно заимствовать, тиражировать другие образовательные учреждениями, где совершенно другие дети, другие педагоги с совершенно иными проблемами, иными задачами. Это другие люди, которые будут осуществлять **списанный под копирку чуждый им программный документ, который ни в коем случае нельзя заимствовать.**

На одной из прошлогодних пресс-конференций министра образования и науки РФ Андрея Фурсенко директор Департамента государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере образования Исаак Калина сказал, что критерии отбора предварительно обсуждались с широкой педагогической общественностью. Хотелось бы знать имена и место работы людей, представляющих эту самую общественность. Невозможно поверить, что хоть один работающий в школе или в органах управления образованием опытный практик мог одобрить столь противоречивые, допускающие произвол критерии.

Есть и системная ошибка, связанная не с недостатками критериального аппарата, а с практикой расходования полученных по итогам конкурса денег. Строго говоря, любой проектный документ (а программа развития — одна из его разновидностей) предполагает расчёт сметной стоимости развития, **где заранее продумывается, на что нужны деньги, чтобы реализовать поставленные в программе инновационные задачи.** Но поскольку речь идёт о деньгах из федерального бюджета, то изначально кто-то предположил, что в России их могут только воровать. Дело дошло до комичного: деньги ещё не поступили ни в одну школу, а муниципальные органы образования и школы уже измучились от требований представить письменные отчёты и справки во все структуры, которые прямо или косвенно могут контролировать расход бюджетных средств: КРУ всех уровней, прокуратура, МВД, ФСБ, казначейство, Счётная палата, налоговая инспекция, фонды социального страхования, органы местной представительной и исполнительной власти и т.д., и т.п.

Пережить всё это было неприятно, но возможно. А вот последствия оказались действительно опасными. Видимо, испугавшись возможного «неправильного» расхода денег, органы управления образованием взяли всю процедуру под свой жёсткий

контроль и вопреки реальным потребностям школ (изложенным, кстати сказать, в одобренных и утверждённых теми же органами управления программами развития) стали диктовать, что́ можно приобретать, а что́ нельзя. При расходовании более 60 тысяч рублей положено в соответствии с Федеральным законом «О проведении конкурсных торгов» проводить тендер между торгующими организациями, что занимает не менее 45 дней. И вот смотришь: то тут, то там эти тендеры выигрывали фирмы, как бы это подипломатичнее сказать, связанные... с теми или иными местными властными структурами, что предоставляет неограниченные возможности для «откатов» и коррупции, перед чем правоохранительная система страны пока бессильна. Получается, что снова прав «классик», когда произнёс: «Хотели как лучше...».

Теперь о горькой учительской обиде. Не существует никаких разумных аргументов, оправдывающих отсутствие в «Положении о конкурсе учителей» педагогических работников вечерних, открытых сменных школ, школ-интернатов, коррекционных образовательных учреждений, **самоотверженно работающих с самым тяжёлым контингентом школьников**. Они что — парии, изгой? Отверженные в российском образовании? Как такую оскорбительную несправедливость можно было допустить?

Не могу не сказать и о той боли, о том огорчении, которое испытали победители конкурсов приоритетного национального проекта «Образование» в связи с тем, **как** их приняли в Москве. Люди ехали окрылённые, а уехали униженные. Государственный Кремлёвский дворец — торжественное и святое место для каждого россиянина, а уж тем более — для директора школы, учителя, которых туда пригласили. 1 миллион рублей — это **президентский** грант, 100 тысяч рублей — это **президентская** премия учителю. Логично, что все ожидали приветственного слова лидера страны. Но Президента РФ В.В. Путина на этом Всероссийском общественно-педагогическом форуме не было... Не было и первого вице-премьера Правительства РФ, курирующего реализацию приоритетных национальных проектов. Если первые лица страны были заняты неотложными государственными делами (что естественно и понять это можно), то зачем назначать форум на то время, когда они не могут уделить ни часа своего времени лучшим педагогам страны? Не было даже полномочного доклада министра образования и науки. Зато был... эстрадный концерт с участием представителей самой дешёвой, вульгарной попсы. А ведь в зале присутствовал цвет российской интеллигенции — лучшие работники образования! Они надеялись увидеть и услышать мастеров драматического, оперного, балетного и других видов искусства своей страны. Но, как сказали бы на своём молодёжном сленге нынешние дети, учителей и тут «кинули». Зачем были потрачены десятки миллионов рублей на бессмысленную, хотя и очень престижную для учителей командировку, которой организаторы не смогли придать подобающего уровня?

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ НУЖНЫ, НО ДРУГИЕ

финансовой поддержки вряд ли можно надеяться на широкую научно-профессиональную и общественную поддержку. Как отмечалось ранее, Россия фактически уже лишилась народного образования и здравоохранения. Народное образование расслоилось на элитарное и массовое (Аванесов В.С. Два лика образовательной политики. «Независимая газета», 5 октября, 2000 г.).

Национальные проекты часто называются приоритетными. Вот что говорит заместитель председателя Комитета по образованию и науке Госдумы Олег Смолин: «Если это приоритетный проект, должно быть приоритетное финансирование. В текущем году расходы бюджета растут на 40%, расходы по разделу «Образование» — на 25%. Какой это приоритет?»

Заключение

Анализ свидетельствует, что национальные проекты не являются национальными в строго научном смысле этого понятия. Национальные проекты не являются и научно обоснованными программами социального развития, общественно значимыми, прошедшими предварительную научно-профессиональную и общественную экспертизу. Это не национальные, а скорее, правительственные проекты.

Например, национальный проект «Образование» может стать дымовой завесой реальной образовательной политики Правительства РФ на коммерциализацию образования. Правительство не скрывает, что оно рассматривает образование как платную услугу и расширит платность образования. Поставлена задача «обеспечить связь образования с бизнесом, чтобы бизнес, по словам М. Фрадкова, определял «чему и как учить». За этим следует приватизация, потому что без приватизации образования бизнес никого и ничему учить не будет.

Результат влияния такого рода правительственной идеологии — уже 57% студентов высшей школы платят за своё образование. Массовое школьное образование постоянно ухудшается. По индексу развития человеческого потенциала Россия опустилась до 57-го места (Доклад о развитии человека. 2004. Пер. с англ. Издано для программы развития Организации Объединённых Наций, ПРООН. М.: Изд-во «Весь Мир», 2004).

Что делать

1. Отмеченные характеристики существующих проектов указывают на необходимость изменения их парадигмы.

2. Для многонационального федеративного государства идея национальных проектов представляется неперспективной. Опыт подтверждает этот вывод. Идею национальных проектов лучше заменить государственными программами развития народного здравоохранения, образования, жилищного строительства и всех других сфер социального развития, программами подъёма уровня и качества жизни народов РФ. Что и должно быть в настоящем социальном государстве. ■

В 2007 году стартует новый этап реализации национального проекта «Образование». Высказанные критические замечания, будем надеяться, хоть в какой-то мере будут учтены. Тем более, что министр образования РФ Андрей Фурсенко на пресс-конференции, проходившей во время общественно-педагогического форума в Государственном Кремлёвском дворце, неоднократно говорил о том, что критерии отбора и участия в конкурсах — система открытая, что они нуждаются в совершенствовании и будут совершенствоваться.

В качестве конструктивных рекомендаций можно предложить членам экспертных советов ознакомиться с теми научными трудами, публикациями, **где обоснована и подробно представлена структура программы развития школы и других инновационных проектов**, выявлены и прокомментированы типичные ошибки, допускаемые в проектах развития, рассмотрены критерии оценки качества программ развития, способы экспертизы проектов.

А тем трём тысячам школ, что получили президентский грант, да и всем, кто будет участвовать в последующих этапах реализации приоритетного национального проекта «Образование», предлагаем подумать над таким дополнением принципиального характера к программам развития. **Эффективность образовательных результатов реализации любых программ развития школы существенно возрастет, если:**

1. Каждый учитель составит программу своего развития, предполагающую и обязательное участие учителя в реализации проекта (программы) развития школы.

2. В программе развития школы будет предусмотрена специальная работа классных руководителей и учителей по обучению всех детей составлению индивидуальной программы своего развития, по составлению жизненного проекта на текущий учебный год (учёба, самовос-

питание, укрепление здоровья и т.д.) и проектированию своей жизни. Это поможет включить детей в реализацию программы развития школы.

Такой подход позволит сделать не только администрацию и других разработчиков программ (как это происходит сейчас), но и учителей, а в конечном счёте, и это главное, детей осознанными участниками развития школы.

В заключение выражу искреннюю уверенность в том, что нельзя недооценивать значение приоритетного национального проекта «Образование» — акцию, **впервые за последние 15 лет направленную на системное улучшение состояния образовательной отрасли страны.** Но власти не должны и преувеличивать значение сделанного, и должны понимать, что 3 тысячи школ — это только немногим более 4% всех образовательных учреждений страны, и поэтому **материальная поддержка столь малого числа школ не может существенно повлиять на системное улучшение образовательной отрасли.**

Хочу верить и надеюсь, что руководители Министерства образования и науки РФ добьются, наконец, результативной встречи с министром финансов Алексеем Кудриным, министром экономического развития Германом Грефом, другими ответственными деятелями, принимающими решения, и объяснят им, что **расходы на образование — это всегда инвестиции в будущее, в стартовые возможности человека.** Если обыватели могут не понимать или сомневаться в том, насколько их детям пригодится через 10–15 лет образование высокого качества, то руководителям государства (как и регионов, городов, районов) сомневаться в этом непростительно.

Напомню в связи с этим мудрое высказывание: **«Если вы полагаете, что образование обходится слишком дорого, попробуйте посчитать, во что обойдётся невежество»...**